

ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ В ЯЗЫКЕ И ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОЭТОВ БРЕСТЧИНЫ (на примере творчества В. Гришковца)

М.П. Жигалова, д.п.н., профессор,
зав. научно-исследовательской
лабораторией по социокультурным
проблемам пограничья
(Беларусь, Брест, БрГТУ)

Аннотация

В статье обращено внимание на отражение менталитета и ментальности, национального и общечеловеческого в русскоязычной лирике Брестчины.

На примере анализа отдельных фрагментов стихотворений русскоязычного поэта В.Гришковца показан многоликий и независимый характер типичных представителей современного мультикультурного социума, противоречивое мировоззрение жителей Брестчины, соединивших судьбы и темпераменты многих этносов и народов. Рассмотрены способы отражения философии жизни с позиций взаимосвязи ментальности и менталитета, проанализированы некоторые фрагменты их отражения в языке и образной системе художественного произведения.

Ключевые слова

Лирический герой, ментальность, менталитет, мультикультурный социум, сильные позиции, философия жизни, язык

Известно, что важнейшей функцией литературы является способность построения коммуникативного моста между разными народами, ибо произведения, проникая в сознание читателя, способны повлиять не только на формирование его мировоззрения, но и на жизненную позицию, направленную на консолидацию общества.

Эта проблема становится особенно значимой, когда речь идёт о мультикультурном социуме пограничья, каким и является Брестчина. И в этой связи обратимся к русскоязычной литературе, которая привносит значимый вклад в развитие полиэтнической культуры региона.

Особое внимание обратим на отражение менталитета и ментальности, национального и общечеловеческого в литературе.

При этом отметим, что говорить о данной проблеме можно в двух аспектах: *в широком*, подразумевая связь этой литературной традиции с традициями мировой литературы и самой реальностью её отражения в творчестве художников слова; *и в узком*, предполагающем интерпретацию и анализ национального и общечеловеческого аспектов в отдельных её произведениях.

Коснёмся лишь второго аспекта. Но прежде чем обратиться к отдельным авторам и произведениям, заметим, что в опыте отражения менталитета и ментальности, национального и инонационального в русскоязычной литературе Брестчины, очевидно влияние ещё и исторического контекста, так как история Брестчины изначально является мультикультурной уже потому, что в разные времена ею владели многие государства мира.

Так, «почти 170 лет (с 980г – по 1150г.) Брестчина принадлежала Киевской Руси, 216 лет (с 1150 по 1366г.) – Волынскому и Галицко-Волынскому княжеству, потом Королевству, 203 года (с 1366 по 1569г) – Великому Княжеству Литовскому, 206 лет (1569-1795г.) – Речи Посполитой обоих народов, 120 лет (1795-1915) – России, 9 месяцев (09.1915 по 05.1916г.) Австро-Венгрии, 14 месяцев (05. 1916 по 12.11. 1918) – Германии, 1 год (1918-1919) – Украинской Народной Республике, 19 лет (1920-1939) – Польше, в общей сложности около 50 лет – СССР (из них с 1941 по 1944 –Германии)» [1, с. 8-9].

Поэтому на Брестчине за многие годы люди научились жить в мультикультурном пространстве, когда каждый народ, остававшийся здесь на постоянное жительство после определённых исторических событий, привносил в общую пограничную симбиотическую полиэтническую культуру свои традиции и нравы, одновременно заимствуя, обогащая и уважая чужие.

Поэтому опыт отражения менталитета и ментальности, национального и общечеловеческого в литературе Брестчины можно рассматривать с учётом двух особенностей.

Во-первых, русскоязычная литература, находясь в пространстве исторически сформировавшегося поликультурного социума, по сути, реконструирует как русскую, белорусскую, так и польскую, украинскую культуры, и даже создаёт некую наднациональную идеологию, свой специфический мультикультурный код, своеобразный многонациональный миф, «апеллируя, прежде всего, к глубинным пластам национального архетипического свойства [6, с. 8]. Поэтому в творческом багаже практически каждого поэта и писателя имеются, с одной стороны, сакрализованные исторические сюжеты, как ритуально проинтерпретированные социально-этнические кризисы белорусской социокультурной традиции, а, с другой стороны, широко представлены традиции разных культур и их взаимодействие.

Во-вторых, художники слова, представители Брестчины как пограничного белорусско-польско-украинского региона, испытывали, всегда явное затруднение с собственным национально-культурным самоопределением. Подобное затруднение вряд ли можно однозначно назвать недостатком, поскольку длительные и безуспешные поиски этой самоидентификации были неизбежны на протяжении всей истории Брестчины. Так, уже начиная с XVII века, в белорусской культуре оформилась определенная дихотомия: высший слой, пользуясь польским языком, развивал свою культурную традицию с акцентом на метрапольную культуру и восприятие через нее общеевропейских духовных ценностей.

В результате возникал специфический симбиоз парадигмы польской культуры (как внешнего оформления) и белорусской ментальности (как внутреннего содержания).

Одновременно с этим на Брестчине существовала и существует по сегодняшний день автохтонная сельская (народная) культура, которая вбирала в себя элементы многих соседних культур[4]. Поэтому поиски национальной самоидентификации художниками слова происходили как на базе своей этнической культуры, так и других культур, которые тоже уже были понятны и близки им.

Таким образом, исследуя феномен русскоязычной литературы Брестчины, можно отметить сосуществование и взаимодействие в её рамках нескольких языковых систем, ряда ментальностей, их традиций и множество этнических кодов, отразивших ситуацию полилога культур. А это значит, что такую литературу по праву можно назвать феноменальной, интегративной, ибо она демонстрирует читателю особенности поликультурного взаимодействия.

Именно таким образом на Брестчине сегодня мирно сосуществуют, обогащая друг друга, разные культуры и этносы. Неудивительно, что национальное и общечеловеческое так отчётливо проявляется в произведениях современных русскоязычных художников слова: Л. Крассевской, В. Гришковца, Н. Ковалевича и др.

Обратимся лишь к отдельным стихотворениям В. Гришковца [3, с. 92-106], которые отражают характеры и судьбы, философию жизни типичных представителей социума.

Следует отметить, что в его книге переводов «Белой вежи свет» (2010) нашло отражение творчество более ста белорусских поэтов Берестейщины, включая и современных русскоязычных поэтов. А его поэтические сборники, такие, как: «Время отправления» (1981), «Круг аистиный» (1991), «Белые мосты» (2004) отличаются философичностью и выразительным индивидуально-авторским стилем. Но особенно ярко авторское мировидение белорусской ментальности, национального и общечеловеческого проявляется в тематике и проблематике его творчества.

Так в сборнике «Белые мосты», в таких стихотворениях, как: «Не помню, что было. Не знаю, что будет...», «Приходил, а дверь не открывали...», «Прощанье белоруса с Кремлём», «Ветер», «По жизни шел я, словно через реку...» и др., Гришковец говорит о многоликом независимом характере и противоречивом мировоззрении жителей Брестчины, соединивших судьбы и температуры многих этносов и народов.

В стихотворении “Славянская заздравная”, например, поэт прослеживает тернистый путь не только родного Полесья, но и тот, который прошли все славяне, живущие ныне в Украине, России, Беларуси. Путь, который был и останется для каждого общим, единым, объединённым вопреки всему “родной землёй” и тем “горьким хлебом”, который доводилось вкушать славянам на протяжении многих столетий:

верность в дружбе и любви, умение поддержать человека в трудную минуту, будут всегда востребованы обществом. И потому, не находя себе ни оправдания, ни успокоения, он боится быть непонятым современными людьми прагматичного и технологизированного мира.

Его утешает лишь родительский дом, где всегда ему открыты двери. Поэтому так часто звучит в сборнике «Белые мосты» мотив сыновней любви, мысль о прощении, о теплоте человеческих отношений. Мать для него не только самый родной человек, с кем можно разделить свои радости и огорчения, она – его опора, надежда, спасение, придающая силы в минуты душевной тревоги. Отцу обязан он всей жизнью, потому что, благодаря ему, и стал честным человеком.

В творчестве зрелого поэта лирический герой уже научился ценить жизнь, понимать её значимость. Он умеет держать слово и делать дело. В стихотворениях «Молитва вероотступника», «Понять, принять и полюбить...» лирический герой просит у Бога «дольше продлить» его жизнь, хоть и не совсем праведную, обещая измениться, так как уже с возрастом хочет дальше жить с Богом в душе:

*Понять, принять и полюбить,
В себе самом открыть другого.
А дальше жить. Всего лишь – жить,
Чтоб слово – дело, дело – слово.*

Как видим, главным мотивом поэзии является горькая, исповедальная самооценка. Лирическому герою В. Гришковца важно «понять, принять и полюбить, // В себе самом открыть другого». Неслучайно, для героя стихотворения становится более необходимой и важной саморефлексия, желание запечатлеть в первую очередь свои сердечные переживания, а не кого-то другого. Это и понятно, потому что самое сложное в жизни каждого человека – познать и понять себя, свои желания и помыслы, определить свои приоритеты и цели, пути их достижения, ибо понять другого, кажется, всегда проще. Поэт уверен, что достичь этого, можно только живя в ладу с верой, с благими помыслами. И тогда становится понятной формула жизни В.Гришковца – «возлюбить Бога, как самого себя» – вот цель и путь к гармонии не только с окружающими, но, в первую очередь, путь к гармонии с самим собой.

Примечательно, что поэт, как истинный христианин, видит смысл жизни в следовании христианским заповедям. Его стихи о скоротечности жизни очень серьезны и правдивы. А пессимистические настроения лирического героя о неправедно прожитой жизни сменяются мыслями об истинной ценности самой жизни, говоря словами И. Бунина, «жизнь – прекрасна, даже если она ужасна».

И потому, наверное, лирический герой В. Гришковца понимает, что жизненный пессимизм у всякого живущего на Земле происходит оттого, что цель никогда не может быть достигнута, потому что за ней, как за горизонтом, – уже

новая цель и новый, другой, горизонт. Да и вблизи наша цель выглядит иногда совсем не так привлекательно, как издали, когда она ещё неясно различима.

Лирический герой понимает, что именно к неясно различимым целям так страстно устремляются люди и народы... И чем взрослее человек, тем яснее он понимает, что главное не цель, а тот путь, который к ней нужно будет пройти. Но на этом пути часто теряется столько, что и цель не стоит того, чтобы так безудержно гнаться за ней. И потому главное здесь то, что человек к концу пути приходит совсем иным и понимает, что ему уже не нужно то, за чем он так стремительно гнался..., а нужно лишь успеть научиться главному – жить по совести и правде, вовремя передать эти качества молодому поколению. В этом лирический герой и видит смысл и значимость существования человека в Мироздании.

Как видим, духовный мир лирического героя богатый и противоречивый, но в нем доминирует безграничная щедрость, высокая требовательность к себе и другим, непримиримость ко лжи и несправедливости.

В творчестве поэта ментальное и общечеловеческое проявилось и в нравственно-философской лирике. Лирический герой обеспокоен моральной деградацией общества, принятием безнравственности как нормы поведения, и, что ещё страшнее, как образца для подражания.

В. Гришковец говорит о философии жизни, её вечности и неизменности, а иногда и парадоксальности.

Так, лирический герой стихотворения «*Я не верю, что белое – чёрное...*» не хочет верить, что в современном прагматичном мире можно осквернить любое дело: полезное дело сделать неудобным, «белое» сделать «чёрным», нужное, значимое дело – невостребованным, а «наглое» представить как «смелое». Но действительность жестока и диктует другое, убеждая читателя в том, что это, действительно, так. Ведь очень часто в жизни «печален дел добрых удел» только потому, что миром низменных удовольствий правит зависть и человеческая подлость:

*И не верю, что чёрное – белое,
Что дурак, очунав, поумнел...
Знаю твёрдо, что вздорное – вздорное
И печален дел добрых удел.*

*Вот дурак, становясь в позу умного,
Тарабарит и режет ребром,
Вот курвец в роли преданно мудрого
Встал с открытым он слушает ртом.*

.....
*И не верю, что чёрное – белое,
Что дурак, очунав, поумнел...
Как прискорбно, что наглое – смелое
И печален дел добрых удел.*

Вместе с тем, художник слова утверждает, что все люди – «подобие Творца», хотя и грешники, потому, что в грехе зачаты, с грехом идут по жизни и грех передают по наследству. В. Гришковец, кажется, предостерегает читателя от того, чтобы греховность не стала нормой поведения человека. Может быть, потому лирический герой разочарован и не верит в то, что человека можно изменить.

Поэтому первая и последняя строфа звучат в унисон, образуя рефрен. Заметим, что здесь автор использует своеобразную игру понятий. Говоря о неспособности современного технологизированного мира к позитивным духовно-ценностным переменам, автор с горечью замечает, что в современной жизни произошла подмена парадигм, жизненно важных ориентиров, когда наглость воспринимается как проявление смелости, а добрые дела вызывают негодование у толпы, её зависть, потому что позитивное ярко высвечивают несостоятельность и негатив её жизни. И потому желание очернить самоё доброе дело и его автора, к сожалению, проявляется в социуме всё чаще. Иногда же в угоду мнению толпы добрые дела остаются просто специально незамеченными и игнорируемыми, не нужными, специально фальсифицируемыми. И потому мир, по мнению лирического героя, в котором «дурак, становясь в позу умного», имеет право «вещать истину», «резать ребром», где «стакан поднимают одновременно и за здоровье, и за упокой...», абсурден и недолговечен, ибо сам уничтожит себя своей безнравственностью.

Так В. Гришковец пытается разбудить сознание читателя, воззвать его к самоанализу, к здоровой мысли и делу, способному улучшить нравственную сущность человека.

Невольно читатель задаётся вопросом: «Что же это за мир, в котором здоровье – смерть, а жизнь – инобытие?» [5, с. 123]. Такой мир ужасен. Лирический герой уверен в том, что подмена жизненных ориентиров, как страшный порок человечества, стала нормой нашего времени, подтверждающая парадоксальность жизни и зовущая к поиску путей оздоровления человеческой души. Это и есть тема стихотворения, которое полностью построено на контрастах, когда всё воспринимается с точностью до «наоборот».

Ключевые и доминантные слова лишь подчёркивают это: «белое – чёрное», «дурак – поумнел», «печален – дел добрых удел», «наглое – смелое». Вероятно, художник слова рисует картину абсурда, то есть то, чего не должно быть. Но картина мира, нарисованная в стихотворении, к сожалению, – это реальная жизнь... А, значит, нет ничего более странного и непонятного как для отдельного человека, так и человечества в целом, более алогичного, и в то же время, феноменального, чем наш мир, в котором человек всё же должен вопреки всему грязному и подлому, существующему всегда рядом с высоконравственным, оставаться добрым, отзывчивым и чутким, ибо даже в этом мире абсурда и парадокса общество обязано думать о вечном, о Человеке и будущем Мироздания.

Внутренняя антитеза, раскрывающая противоречия современности, проявляется и в композиции стихотворения. В первой строфе читаем: «знаю твёрдо, что вздорное – вздорное», а в последней строфе: «как прискорбно, что наглое – смелое». Заметим, что художнику слова больно от осознания этой простой истины, которая ведёт общество к деградации, а мир – к уничтожению.

Для лирического героя В. Гришковца понимание алогичности жизни намного страшнее, чем жизнь в неведении. Может быть, поэтому лирический герой потрясён, растерян, и оттого он «усталый и злой». Его пугает то, что люди перестали быть искренними, что многие фальшивят в угоду кому-то или чему-то, часто играя роль, выгодную себе, а не делу именно сегодня, так как хотят сделать карьеру или добиться других высот, чаще всего, материальных. И совсем не думают о деле, о том, как сделать мир лучше. Невольно вспоминаются слова М.Лермонтова: «Жалкий человек.../ Под небом места много всем/ Но беспрестанно и напрасно/ Один враждует он/ Зачем?»

И потому лирического героя страшит то, что «курвец в роли преданно-мудрого/ Встал с открытым – он слушает – ртом». Ужасно не то, что такие люди заслушиваются речами «дурака», а то, что «дураки в роли преданно мудрого» уверены, что они – короли жизни. Поэтому и страшит лирического героя то обстоятельство, что жизнь дошла до таких пределов, что даже «дураки» понимают выгоду, таящуюся в умении прикидываться умными. А это уже абсурд, алогизм, парадокс. Оттого лирический герой «злой и усталый». Правда, он верит, что мир людей, творящих всё в угоду своему Эго, всё-таки должен измениться и стать способным к созидательному добру во имя сохранения вечных и непреходящих общечеловеческих ценностей.

Специфика тематики, проблематики предопределила и особенности лексики, морфологического и синтаксического строя стихотворения. Доминируют имена существительные с отрицательной коннотативной окраской («дурак», «курвец», «дерзкое», «прискорбно»). Заметим, что эта окраска присутствует в их первичном значении, а значит, поэт не ищет новых значений у старых слов, он употребляет слова низкого стиля намеренно, демонстрируя, тем самым, открыто своё негативное отношение к лирическому герою.

В синтаксисе стихотворения нет императивно-восклицательных предложений и фраз (за исключением, «он слушает!»), но от этого призывность произведения не становится ниже. Знание того, что художник слова не верит громким словам, а понимает истину жизни и говорит о ней убедительно, с экспрессией, действует на читателя лучше всякого призыва.

Сложность понимания темы стихотворения достигается и классическим размером – четырёхстопным анапестом с чередованием мужской и женской рифмы.

Кажущаяся на первый взгляд простота изложения материала, на самом деле парадоксальна, как и идея стихотворения: оказывается, никуда не скрыться порядочному человеку от абсурдности мира. Лирическому герою остаётся только научиться жить в этом мире: либо приспособиться, изменив своё отношение к нему, а может быть, чтобы выжить, и пойти на сделку с совестью. Но лирический герой не верит в такое «перерождение» человека. Он лишь убеждён в том, что такую философию жизни, где основа «наглость – смелость», нужно обязательно менять, ибо необратимые процессы, как в отдельно взятом человеке, так и в мире, будут неизбежны. Автор, кажется, призывает читателя осмыслить и понять простую формулу жизни «Человек! – это ДОЛЖНО (авт.) звучать гордо!».

Как видим, в языке и образной системе произведений В. Гришковца отразилась глубокая философия современной жизни, в основе которой – забота о совершенствовании человеческих отношений и сохранении тех национальных ценностей, без которых нет ни счастья, ни будущего, как у отдельного человека, так и у государств и мира в целом.

Литература

1. Гніламёдаў Уладзімір. «Заставацца сабой...» / уклад. Мікола Мікуліч. – Мінск: Выдавецтва «Четыре четверти», 2012. – 574с.
2. Гришковец, В.Ф. Белые мосты: стихи, рассказы, эссе, статьи, заметки / В.Ф.Гришковец. – Пинск: КУИП “Редакция газеты “Пінскі веснік”. – 2004.
3. Жигалова, М.П. Отражение единства славян в творчестве В.Гришковца. В кн.: Этнокультурность и мультикультурность в литературе: Интерпретация и анализ. Монография / М.П.Жигалова. – Саарбрюккен, Германия: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&CO.KG, 2012. – 305с. – С. 92-106.
4. Жигалова, М.П. Полиэтническая литература Малоритчины / М.П.Жигалова. |– Брест: БрГТУ, 2017 – 240с.
5. Русская литература в системе межкультурных коммуникаций XXI века: современное состояние и перспективы развития: коллективная монография. – Ташкент: GEO FAN POLIGRAF, 2013. – 200с. – С.108-135.
6. Сулова, Т.И. Общечеловеческое и национальное в культуре: вызов глобализации // Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27-28 мая 2004 г.). Материалы выступлений / Под общ. ред. И.И. Ивановой / Т.И. Сулова. – Бишкек, 2004. – С.177-183.

УДК 821.161.0

ББК 81. 411.2

ВОСПОМИНАНИЯ О ВСЕВОЛОДЕ НЕКРАСОВЕ

Т.Н. Рахуба,
к.фил.наук, доцент
(Беларусь, Брест, БрГТУ)

Аннотация

В статье приводятся воспоминания о встрече с поэтом Всеволодом Некрасовым на брестской земле, отмечается роль поэта в развитии истории русского авангардизма.

Ключевые слова

поэт, поэзия, творчество, рифмы, ритмы, публикации.

Имя Всеволода Некрасова неотделимо от истории русского авангардизма второй половины XX века, в возрождении и обновлении которого он играл важную роль.

Вс. Некрасов внедрил в русскую поэзию новую модель стиха. Его поэзия – это пиршество словотворчества, фонетических новаций, смысловых сдвигов, нарушающих автоматизм ожидания, актуализирующих роль подтекста и кон-